

Люкина Надежда Михайловна

**ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА
БАЛЕЗИНСКИХ И ЮКАМЕНСКИХ БЕСЕРМЯН
(сравнительная характеристика)**

Специальность 10.02.02 – языки народов Российской Федерации
(финно-угорские и самодийские языки)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Ижевск 2008
Работа выполнена на кафедре общего и финно-угорского
языкознания
Удмуртского государственного университета

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор
**Кельмаков Валентин
Кельмакович**

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор
Шутов Александр Фёдорович

кандидат филологических наук,
доцент
Лобанова Алевтина Степановна

Ведущая организация: Удмуртский институт истории, языка
и литературы Уро РАН

Защита состоится 10 декабря 2008 г. в _____ на заседании
диссертационного совета ДМ 212. 275. 06 при ГОУ ВПО «Удмурт-
ский государственный университет» (426034, УР, г. Ижевск,
ул. Университетская 1, корп. 2)

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГОУ ВПО
«Удмуртский государственный университет»

Автореферат разослан «_____» _____ 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

И.А. Краснопёрова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Среди северных удмуртов небольшую группу составляют бесермяне, говорящие на одном из наречий удмуртского языка и проживающие на северо-западе Удмуртской Республики, в бассейне реки Чепцы, в Юкаменском, Балезинском, Глазовском районах. По итогам Всероссийской переписи населения, которая была проведена в октябре 2002 года, численность бесермян составляет 3 122 человека. Бесермянские деревни островками вкраплены в массу удмуртских, татарских, русских селений. Нами были обследованы следующие населенные пункты: 1) д. Шамардан – расположена в 25 километрах от районного центра (с. Юкаменское) и 60 километрах от ближайшей железнодорожной станции Глазов. В настоящее время всего 72 двора, жителей 259 человек. Основную часть составляют бесермяне, русских примерно 10 человек; 2) с. Ежево (бес. *йэжгурт*) – расположено в 18 километрах от районного центра (с. Юкаменское). На сегодняшний день в данном селении всего проживает 638 человек. Следует заметить, что во время последней переписи все бесермяне записались удмуртами (всего 507 чел., из них больше половины являются бесермянами), 110 русских, 15 татар, 2 украинца, 3 армянина, 1 бурят. Пожилое население говорит на своем диалекте. В общеобразовательной школе удмуртский язык не преподается, взрослые с детьми общаются на русском языке; 3) д. Усть-Лем (бес. *с'эдбан*) – расположена в двух километрах от с. Ежево. В данной деревне живут 32 удмурта (из них половина бесермяне), 1 русский; 4) д. Жувам (бес. *жуам*) – расположена в 50 километрах на юг от г. Глазова и 12 километрах на юго-восток от районного центра (с. Юкаменское). В деревне 80 хозяйств, население 360 человек, по последней переписи 2002 года: 178 чел. – бесермяне, 10 чел. – русские, 6 чел. – татары, остальные (166 чел.) записались удмуртами, хотя среди них много бесермян; 5) д. Митрошата (бес. *митрошка*) находится в трех километрах от д. Жувам. Общая численность жителей составляет 53 человека, всего 17 хозяйств. Основная часть населения бесермяне (42 чел. – бесермяне, 10 чел. – удмурты, 1 чел. – русский); 6) д. Нижняя Пажма (бес. *ульс' пажми*) расположена в 15 километрах от районного центра (с. Юкаменское). В данном населенном пункте всего 13 хозяйств, общая численность жителей 49 человек (43 – бесермяне, 6 – удмурты); 7) с. Юнда (сами

жители выделяют Большую Юнду (бес. *вуж йундъ*) и Малую Юнду (бес. *нэс'и йундъ* или *тупал йундъ*) расположено на левом притоке р. Чепцы, в 15 километрах от районного центра (п. Балезино). В данном населенном пункте общая численность жителей составляет 514 человек. По материалам книги “Язык бесермян” [Тепляшина 1970а: 35] Юнда отнесена к чисто бесермянским селениям. На сегодняшний день здесь население смешанного типа, совместно проживают бесермяне (68 %), удмурты (23 %), татары (3 %), русские (2 %), а также представители других национальностей; 8) д. Ворца (бес. *ворча*) – центр сельской администрации, охватывает шесть селений, является одним из крупных населенных пунктов Ярского района. В настоящее время в ней проживает 478 человек. По национальному составу население относится к разряду смешанных, по итогам последней переписи: 223 чел. – бесермяне, 111 чел. – удмурты, 104 чел. – татары, 40 чел. – русские; 9) д. Логошур (бес. *тал'игурт*) также находится в Ярском районе, в 9 километрах от д. Ворцы. Расстояние до районного центра – 49 километров. В деревне на сегодняшний день всего 11 хозяйств, население – 41 человек (36 чел. – бесермяне, 5 чел. – удмурты). Бесермянские населенные пункты Ярского района не расположены на территории исследования, но в некоторых случаях в качестве сравнения использованы материалы данных деревень.

Т.И. Тепляшина в своих трудах в определении статуса языка бесермян допускает некоторые противоречивые суждения [Кельмаков 1993: 11–12]: 1) неоправданно преувеличена значимость собственно бесермянского пласта. “<...> звуковая система языка бесермян значительно отличается от системы звуков удмуртского языка в целом, в совокупности со всеми диалектами” [Тепляшина 1970а: 163]; 2) вопреки предыдущему утверждению язык бесермян включен в состав северного наречия как единица более мелкого его членения [Тепляшина 1966: 279; Тепляшина, Лыткин 1976: 103].

В последние годы удмуртские ученые обращались к бесермянскому наречию в двух случаях: 1) с целью дополнения приведенных в публикациях Т.И. Тепляшиной материалов [Федотов 1985; Кельмаков 1992г]; 2) для пересмотра или уточнения некоторых лингвоисторических выводов относительно специфики бесермянского диалекта, которые были высказаны Т.И. Тепляшиной [Кельмаков 1985а; 1992а; 1992б].

Актуальность работы. Известно, что в монографии Т.И. Тепляшиной рассматриваются специфические черты, общие для всех

групп говоров [Тепляшина 1970а: 58]. Последующие полевые исследования выявили, что некоторые частные особенности автором отнесены к общим.

В данной работе впервые подвергаются анализу лекминский (Юкаменский р-н) и юндинский (Балезинский р-н) говоры бесермянского наречия. Обследование и сравнительная характеристика на современном этапе их развития являются необходимыми, так как: 1) после выхода в свет монографии Т.И. Тепляшиной прошло уже более тридцати лет. Бесермянский диалект не совсем такой, каким он был в 60–70-е годы XX века. В настоящее время некоторые его особенности, нашедшие отражение в работе “Язык бесермян”, или утрачены, или употребляются параллельно формам северного наречия удмуртского языка; 2) “отдельные ее положения как в синхронном описании, так и (в особенности) в диахронической части нуждаются в уточнении, детализации или дополнении” [Кельмаков 1992: 34].

Процесс постепенной утраты диалектного своеобразия (особенно в с. Юнда) – явление объективное и развивающееся. Изучение и фиксация языкового материала отдельных бесермянских говоров становится в ряд наиболее актуальных вопросов удмуртской диалектологии.

Цель исследования – сравнительно-сопоставительное описание фонетической системы, морфологической структуры бесермянских говоров, которые распространены на территории Юкаменского и Балезинского районов Удмуртской Республики. В соответствии с поставленной целью предполагается решение следующих **задач**:

а) систематизировать и обобщить результаты предыдущих исследований бесермянского наречия;

б) показать наиболее характерные и специфические особенности говоров в области фонетики и морфологии, провести детальный анализ на современном этапе их развития;

в) сравнить и сопоставить юндинский говор с лекминским;

г) рассмотреть, при необходимости, соответствующие языковые факты говоров с исторической точки зрения;

д) выделить сходные с другими удмуртскими диалектами языковые черты.

Методы исследования. Основные методы исследования определяются целями и задачами работы. С целью объяснения языковых материалов применяются синхронно-описательный, сравнительно-со-

поставительный методы. В необходимых случаях используется метод статистического анализа.

Источники исследования. Анализируемый диалектный материал собран автором во время полевых экспедиций в 2000–2007 гг., где также принимали участие студенты II курса филологического факультета (удмуртская группа) ГППИ: 2000 г. – д. Шамардан, Усть-Лем, с. Ежево; 2001 г. – с. Юнда; 2003 г. – д. Жувам, Митрошата; 2004 г. – д. Ворца, Логошур; 2005 г. – с. Юнда; 2006 г. – с. Юнда; 2007 г. – д. Кунды (Верхнее Мочагино), Поска (Паскино), Чабья (Омсино), Чола (Круглово) Слободского района Кировской области.

Материалом для лингвистического анализа послужила речь местных старожилов, преимущественно пожилых женщин, не отрывавшихся от своей языковой среды и сохранивших в большей степени местные диалектные черты. Сбор полевого материала проведен в ходе устного общения с бесермянами по специальному (составленному автором), вопроснику для сбора диалектологического материала, а также по программам-вопросникам Т.И. Тепляшиной [1966а] и В.К. Кельмакова [2002]. С целью более точного выявления фонетических и морфологических особенностей диалекта производились аудиозаписи речи бесермян.

Теоретической и методологической базой настоящей работы послужили труды отечественных и зарубежных ученых: Т.Г. Аминоффа, Г.А. Архипова, М.Г. Атаманова, Р.М. Баталовой, С.К. Бушмакина, Ю. Вихманна, Т.Е. Уотилы, Е. Итконена, Л.Л. Карповой, В.К. Кельмакова, В.И. Лыткина, Б.А. Серебренникова, И.В. Тараканова, Т.И. Тепляшиной и др.

Научная новизна исследования состоит в том, что:

а) исследование проведено с использованием нового диалектного материала;

б) впервые детально проанализированы фонетические и морфологические особенности юндинского и лекминского говоров бесермян в сравнительном плане;

в) выделены языковые явления, в которых наблюдается влияние соседних северных диалектов;

г) языковые особенности исследуемых говоров рассмотрены в сравнении с фактами языка, описываемыми в монографии Т.И. Тепляшиной, другими удмуртскими диалектами, при необходимости – другими родственными и неродственными языками.

Практическая значимость работы состоит в том, что:

1) материалы могут быть использованы при сравнительно-сопоставительном изучении диалектов удмуртского и других пермских языков;

2) полученные данные могут быть применены при изучении истории удмуртского языка, в особенности его исторической фонетики;

3) результаты исследования могут быть использованы при разработке лекционных и практических курсов по удмуртской диалектологии, фонетике и морфологии удмуртского языка;

4) некоторые положения диссертации могут найти отражение в учебниках и методических пособиях по удмуртскому языку;

5) полученные данные могут быть применены при составлении сравнительных словарей.

Апробация работы. Основные положения исследования докладывались и обсуждались на следующих конференциях и симпозиумах: научно-практической конференции “Проблемы удмуртской филологии и преподавания удмуртского языка и литературы” (Глазов, 2003); X Международном симпозиуме “Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками”, посвященном юбилею Т.И. Тепляшиной (Ижевск, 2004); X Международном конгрессе финно-угроведов (Йошкар-Ола, 2005); XI Международном симпозиуме “Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками” (Пермь, 2006); Межрегиональной научно-практической конференции “Историко-педагогический опыт и проблемы разработки учебно-методических изданий в Удмуртии на современном этапе” (Ижевск, 2007).

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав и заключения. В конце работы даются списки сокращений и использованной литературы. В качестве приложения приводятся списки информантов, таблицы (списки слов) и образцы текстов по исследуемым говорам бесермянского наречия с параллельным переводом на русский язык.

Общий объем диссертации с приложением 249 страниц.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении даются общие сведения о населенных пунктах бесермян, говоры которых рассматриваются в работе. Обосновывается актуальность темы, формулируются цель и задачи, раскрываются методы исследования, определяется степень изученности темы, отмеча-

ются научная новизна и практическая значимость работы. Рассматривается краткая история изучения бесермянского наречия.

Основная часть состоит из двух глав.

В первой главе рассматриваются основные фонетические явления, характерные для исследуемых говоров бесермянского наречия.

В юндинском и лекминском говорах бесермян функционируют следующие семь гласных: *a, e, Ä, i, o, u, í*. Фонемы, кроме последней (*í*), артикуляционно и акустически не отличаются от соответствующих гласных удмуртского литературного языка.

Как нам известно, регулярным продолжателем праудмуртского *á в большинстве современных удмуртских диалектов выступает фонема *Ä*. В бесермянском наречии вопрос о наличии/отсутствии фонемы *Ä* окончательно не решен.

Следует отметить, что во всех обследованных бесермянских населенных пунктах нами зафиксирован гласный *Ä*:

а) в одних случаях он функционирует как единственный репрезентант праудм. *á;

б) в других – в этой же функции выступает в альтернативе с другими гласными. С целью проверки была составлена специальная программа, включающая 140 общеудмуртских слов с гласной *Ä* (орф. *Á*). На основе собранного материала сделаны следующие выводы:

1. В юндинском говоре информанты произнесли с гласным *Ä* 80 слов. В лекминском говоре показатели следующие: Шам. – 57 слов, Паж. – 39.

2. В материалах экспедиций [ДЭ 2000; ДЭ 2001; ДЭ 2003; ДЭ 2005] представлено небольшое количество слов с переборами (в речи разных бесермян) в употреблении вышеназванных гласных на месте общеудмуртского *Ä*.

2.1. *Ä ~ e*: Шам. – 13 слов, Паж. – 12, Юнд. – 10, Вор. – 29.

2.2. *Ä ~ o*: зафиксировано только у жителей деревень Н. Пажма (всего 6 слов) и Ворца (1 слово).

2.3. *e ~ o*: (Паж.) *s'em ~ s'om* 'чешуя, скорлупа' (удм. лит. *сьÄм*), (Вор.) *pe s'tíni ~ pos'tíni* '(с)вариться' (удм. лит. *пÄзьтыны*).

3. Помимо перечисленных слов, в исследуемых говорах есть случаи замещения *Ä* другими звуками:

3.1. Гласным *í* было зафиксировано: (Юнд. Шам. Паж.) *bít'irtíni* (удм. лит. *бÄтьыртыны*) 'лепетать, говорить без умолку', (Шам.) *íÄít* 'мало' (удм. лит. *Äжыт*), *kíl'a* 'галька, гравий' (удм. лит. *кÄльы*), (Шам. Паж.) *evíl* 'нет, не' (удм. лит. *ÄвÄл*).

3.2. Нелабиализованным гласным *e* в материалах отмечено: Юнд. – 3 слова, Шам. – 12, Паж. – 29, Вор. Л. – 28.

3.3. Огубленным гласным заднего ряда *o*: (Вор.) *s'in'pojet* 'обман зрения' (удм. лит. *синп'Ает*), *evol* 'нет, не', (Паж.) *bod'ono* 'перепел' (удм. лит. *б'Адено*).

3.4. В лекминском говоре функционирует одно слово с гласным *i*: *biz* (удм. лит. *б'Аз*) 'бязь'.

4. Слово *ÀvÀl* 'нет, не' в материалах Ю. Вихманна во всех случаях встречается в форме *evel*, в исследуемых говорах такая форма не употребляется.

Важнейшим дифференциальным признаком бесермянского наречия в области вокализма является обильное употребление неогубленного *i* (чаще всего расположенного в соседстве с твердыми согласными или в окружении последних) на месте общеудмуртского *u*, обусловленное в первую очередь различием в рефлексации праудмуртского огубленного *ç в современных диалектах. В программу исследования было включено 149 общеудмуртских словоформ. По нашим наблюдениям, языковой материал в описываемых современных бесермянских говорах не совсем однороден по качеству вокализма первого слога: а) в юндинском говоре с нелабиализованным *i* зафиксировано 53 слова. В речи информантов наблюдается дистрибуция параллельных форм, например: *kíz* ~ *kuz* 'пара', *ír* ~ *ur* 'гной', *Ñidini* ~ *Ñudini* 'играть'; б) в лекминском говоре отмечено 68 корней.

В рассматриваемых говорах в пределах первого слога в соседстве с последующим велярным согласным или между предшествующими *Å*, *Ñ* и последующими палатальными на месте *i* литературного языка, срединных говоров и северной диалектной зоны употребляют заднерядный гласный *i*, что характерно также для различных говоров южного наречия. В речи юкаменских бесермян зафиксировано всего 51 слово. В юндинском говоре информанты 19 слов произнесли с гласным *i*, вместо ожидаемого *i*, например: *virser* 'кровеносный сосуд' (удм. лит. *вирсэр*), *zibít* 'тихо, смирно' (удм. лит. *зёбыт*), *kil'* 'перхоть' (удм. лит. *киль*), *sisjaní* ~ *isjaní* '(про)цедить' (удм. лит. *сёсьяны*), *sil'* 'мясо' (удм. лит. *сэль*), *kis* 'тиски, клещи' (удм. лит. *кис*).

Следует выделить такую особенность, как спорадическое употребление нефонематического *ç* в соседстве с палатальными согласными. В речи представителей старшего поколения, особенно юкаменских бесермян, можно услышать огубленный гласный верхнего подъема передне-среднего ряда *ç*: (Еж. Паж.) *kçn'an'* ~ (Шам. Еж. Юнд.)

kun'an' 'теленок', (Еж. Шам. Жув.) *s'cz'* ~ (Еж. Шам. Юнд.) *s'uz'* 'пригоршня', *ul'* (ср. кз. *ul'*) 'сырой, невареный', *uj* 'ночь' и др. В современном юндинском говоре, как показывают примеры, в настоящее время употребляется гласный *u*.

Для языка бесермян наиболее характерным является выпадение гласных в абсолютном конце слова. Выпадению обычно подвергаются фонетически наиболее слабые гласные *i*, *i* в следующих случаях: 1) отпадает *i* в суффиксе инфинитива *-ni* глаголов I спряжения, ср.: (Юнд. Шам. Жув.) *minin* ~ *minini* (удм. лит. *мыныны*) 'идти', *s'otin* ~ *s'otini* (удм. лит. *сётыны*) 'дать, отдать'. Как видно из примеров, эти категории слов в исследуемых говорах могут употребляться и в полной форме; 2) в отрицательной форме глаголов I спряжения изъявительного наклонения, если нет предшествующего стечения согласных, например: *ej min* (удм. лит. *Ай мыны*) '(я) не пошел (а)', *Az tod* (удм. лит. *Аз тоды*) '(он) не знал' и ср.: *At ko-Nki* (удм. лит. *Ад кошкы*) '(ты) не ушел'; 3) в отрицательных формах повелительного наклонения I спряжения почти регулярно выпадает конечный гласный *i* основного глагола: *e-n uz'* ~ *e-n iz'* 'не спи', *e-n Eot* 'не давай', *e-n kut* 'не поймай', *e-n Numet* 'не шуми' и ср.: *e-n liki* 'не приходи'; 4) в указательных частицах и наречных словах отмечается выпадение гласных *i*, *i* во всех исследуемых говорах, лишь изредка в речи бесермян эти примеры можно услышать в полной форме: *tin'* (удм. лит. *тèни*) 'вот, вот там', *tan'* (удм. лит. *тани*) 'вот', *oz'* (удм. лит. *озыы*) 'так', *taz'* (удм. лит. *тазыы*) 'так, таким образом'.

В речи лекминских и юндинских бесермян встречается явление, когда в абсолютном начале слова появляются добавочные звуки *i*, *i* (чаще всего перед сочетанием согласных). Протеза наблюдается в заимствованных словах: *istolo-voj* 'столовая', *iNpana* 'шпана', (Юнд.) *iz'ver* ~ *iz'ver* 'зверь', *ispiika* 'спичка', *iNkola* 'школа', *is'tapan* 'Степан'. Протетический гласный *o* зафиксирован лишь в слове *oftorn'ik* 'вторник'.

В исследуемых говорах наблюдается явление элизии в пределах одного слова: а) перед формообразовательными падежными аффиксами, начинающимися с гласного звука, если основа также оканчивается на гласный. Выпадению подвергается гласный основы слова, в наших примерах это звук *a*: *dojarkin uEaj* (удм. лит. *дояркын, доярка луыса*) '(я) дояркой работала', *baklis'* (удм. лит. *бакчаысь*) 'из огорода', *rekis'* (< рус. *река*) 'из речки'; б) при стечении двух гласных внутри слова, которые оказались рядом в результате выпадения палаталь-

ного *j*: *mun'ŕe* (удм. лит. *мунчое*) 'в баню', *tarelke* (< рус. *тарелка*) 'в тарелку' (Юнд.). В последнем случае не может быть однозначного мнения, так как в словах типа *tarelkaje* согласный *j* можно рассматривать как вставочный звук.

Наблюдается и противоположный процесс элизии – афerezис. В данном случае происходит отпадение начального звука или целого слога последующего слова под воздействием звука предшествующего слога: *sre ~ sere* (< удм. *co* 'то, это' и удм. *бере* 'потом, после') 'затем, потом, после', *tare ~ tabre* (< удм. *ma* 'это, эта, этот' и удм. *бере* 'потом, после') 'теперь, сейчас'.

Встречаются слова, в которых происходит вставка гласных между согласными, составляющими сочетание в абсолютном начале или конце слова, например: *kilube* (< рус. *клуб*) 'в клуб', *birat'e-jn'ik* (< рус. *брат*) бес. 'двоюродный брат'.

В речи юндинских и лекминских бесермян, как и в большинстве удмуртских говоров, наблюдается выпадение гласного в середине слова. Синкопическими звуками чаще всего являются гласные *í, i*. Следует заметить, что данные слова в говорах могут употребляться и в полной форме: *slal ~ silal* 'соль', *pl'em ~ pil'em* 'облако, туча'.

В отличие от удмуртского литературного языка в нескольких словах произошло отпадение инициального *u* [Тепляшина 1970а: 68, 85; Кельмаков 1998: 289]. На месте общеудмуртского *u* можно встретить и другие гласные, что не отмечено в монографии: (Еж. УЛ. Шам.) *rod ~ írod* ~ (Паж. Шам. Ворц.) *orod* (удм. лит. *урод*) 'плохой, испортиться, стать плохим', (Жув.) *rom ~ írom* (удм. лит. *уром*) 'друг, приятель'. Возможно, "в языке бесермян в этих словах в начале слова был звук *ø*, склонный редуцироваться и исчезать" [Тепляшина 1970а: 85]. На наш взгляд, сначала произошло замещение праудм. *ç неогубленным *í*, затем безударный гласный подвергся выпадению (*çrod > *írod* > *rod*).

В языке бесермян есть случаи, когда под влиянием гласного *u* первого слога ассимилируется гласный последующего слога: *turun* (удм. лит. *турын*), подобная форма встречается редко, чаще можно услышать *tur'in; kutuñka* 'кумышка, самогон'; лишь одна информантка (Урасинова Марфа Михайловна, 1913 г. р.) из с. Юнда произнесла *bibul'i* (удм. лит. *бубыли*) вместо ожидаемого *bubil'i* 'бабочка'.

В описываемых говорах встречаются черты, присущие лишь небольшому кругу слов: 1) в непервых слогах слова звук *a* употребляется на месте гласного *o* других удмуртских диалектов (зафиксировано всего 3 слова): *bugra* (удм. лит. *бугро*) 'сруб', *sugan* (удм. лит. *сугон*)

'лук', *murja* (удм. лит. *муръё*) 'дымоходная труба'. В слове *Ñanas'kíni* (удм. лит. *шонаськыны*) 'качаться, шататься; обмахиваться, отмахиваться' гласный *o* первого слога как в юндинском, так и юкаменском говорах заместился звуком *a*; 2) в речи юкаменских бесермян в ауслауте нескольких слов отмечается словообразовательный суффикс *-a*: (Жув.) *tolona* вм. *tolon* 'вчера', *tollo* 'вчерашний', *ðaz'nala* вместо *ðaz'nal* 'позавчера, позавчерашний'; 3) в лекминском говоре в непервых слогах слова на месте общеудмуртского *Â* (бес. *i*) зафиксированы случаи дистрибуции гласного *a*, чаще всего в соседстве с палатальными согласными: *ted'a* (удм. лит. *mÁдьы*) 'белый', *kðaka ken'ar* (удм. лит. *куака кеньыр*) 'град', *s'ez'a ksal'* (удм. лит. *сезы кисаль*) 'овсяный кисель'; 4) отмечено и обратное явление: на месте общеудмуртского *a* в непервых слогах слова функционирует гласный *i*: (Шам.) *jÁnini* 'выздороветь', *tÁrni* 'распухнуть', (Жув.) *Íun'iri* 'паук'.

Консонантная система в исследуемых говорах бесермян представлена 29 фонемами (*p, t, t', k, b, d, d', g, f, s, Ñ, s', Ö, x, v, z, Å, z', c, Ê, É, m, n, n', l, l', ð, j, r*), из которых фонемы *f, ç, c, Ö* в исконно удмуртских словах отсутствуют, встречаются лишь в заимствованиях из русского языка.

Наиболее значительные изменения в структуре языка бесермян связаны с влиянием гласных переднего ряда на соседние твердые согласные. Палатализирующее влияние *i* и *e* распространяется на велярные парные согласные *n, t, d*, иногда *s, l* (*n', t', d', s', l'*). Смягчение зубных согласных под влиянием переднерядных произошло в следующих случаях: а) перед *i*: *t'ijaní* 'сломать, разрушить', *t'ir* 'топор', *d'is' ~ dis'* (Юнд.) 'одежда'; б) после *i*: *in'ti* 'место', *in'mar* 'бог, небо', *pumit' ~ pumít'* (Юнд. Шам.) 'против, напротив'; в) перед *e*: *bes'erman* 'бесермян', *d'erem* 'рубашка', *d'era ~ dera* (Юнд.) 'холст'; г) после *e*: *t'ebet'* 'пеленка'.

В настоящее время в исследуемых бесермянских говорах обнаружено с анлаутным губно-губным *ð* в общей сложности 17–18 корней (из 31 известных на сегодняшний день), каждый из которых имеет ряд производных и способен выступать в составе различных (слово)сочетаний. В лексиконе информантов отсутствуют или они уже не могут вспомнить следующие слова: *ðarum* 'эпоха', *ðari* 'стержень челнока', *ðaríp* 'черенок, рукоятка', *ðad* 'выдра', *ðaz'er (nun')* 'клык', *ðak* 'мелкий, некрупный', *ðakta* 'грязь (в доме)', *ðali* (скал) 'стельная (корова)', *ðars'* 'сусло', *ðas'ani* 'сильно проголодаться'; вместо неко-

торых из них в речи употребляют другие слова, чаще всего русские, например: *vidra* 'выдра', *klik* 'клык', *Ñag* 'шаг'.

В небольшой группе слов процесс **j- > l'-* наблюдается перед V+ любой смычный/сонорный согласный: *l'ugít* (Шам. Жув. Юнд) ~ *jugít* (Юнд.) 'светло, светлый', *l'egit'tos* (сев. *egumъec*) 'молодежь', *l'ibo* (сев. *юбо*).

В удмуртских диалектах правила дистрибуции аффрикат весьма разнообразны [Кельмаков 1997: 86–91]. В описываемых говорах замещение общеудмуртских велярных *Ð* и *Æ* другими согласными и функционирование сохранившихся палатальных *Ī* и *É* в фонетической структуре бесермянского слова еще не были объектом специального исследования.

1.1. Анлаутные *Ð*- и *Æ*- в позиции перед *-VÑ(-)* / *-VÅ(-)*: а) в юндинском говоре заместились палатальными *t'*- и *d'*-: *t'íĀaní* 'пинать ногой, легать', *t'ĀĀ* 'утка', *d'uÑ* 'брюшина', *d'íĀ* 'истлевший,

сопревший' и др. В настоящее время некоторые информанты употребляют и велярные аффрикаты: $\text{Ð}\hat{\text{A}}\hat{\text{A}}\hat{\text{i}}$ 'молозиво', $\text{Ðu}\hat{\text{A}}$ 'желтый' и др., в чём следует усмотреть влияние удмуртских диалектов; б) в речи лекминских бесермян sporadически заменяются палатальными смычными t' - и d' -, которые находятся в свободной альтернации с $\hat{\text{I}}$ - и $\hat{\text{E}}$ -: $\hat{\text{E}}u\hat{\text{A}}\hat{\text{i}}t$ (Шам. Жув. УЛ.) ~ $d'u\hat{\text{A}}\hat{\text{i}}t$ (Еж. Жув. Паж.) 'высокий'; $\hat{\text{E}}o\hat{\text{A}}on$ (Шам.), $\hat{\text{E}}oz'on$ (УЛ.) , $\hat{\text{E}}o\hat{\text{E}}onpiz'$ (Паж.) ~ $d'oz'onpiz'$ (Еж.) 'толокно'; $\hat{\text{I}}o\tilde{\text{N}}$ (Еж. Шам. Жув.) ~ $t'o\tilde{\text{N}}$ (Жув. Паж.) 'вместе, совместно; враз, одновременно', $\hat{\text{I}}\hat{\text{A}}e$ (Шам. Еж. Жув.) ~ $t'\hat{\text{I}}\hat{\text{A}}e$ (Жув. Паж.) 'подметаёт' и др. Переход Ð - > $\hat{\text{I}}$ -, Æ - > $\hat{\text{E}}$ - встречается в д. Шамардан, для жителей д. Н. Пажма характерным является переход Ð - > t' -, Æ - > d' -.

1.2. В анлауте, при отсутствии вышеуказанного условия, велярные Ð - и Æ - субституировались палатальными аффрикатами $\text{Ð}'$ -, $\hat{\text{E}}$ - и щелевыми согласными $\tilde{\text{N}}$ -, $\hat{\text{A}}$ -:

а) замещение Ð - > $\hat{\text{I}}$ - наблюдается во всех бесермянских населенных пунктах Юкаменского района: $\hat{\text{I}}em$ 'часто', $\hat{\text{I}}ukna$ 'утро', $\hat{\text{I}}ok-s'uz'in\hat{\text{i}}$ 'захлебнуться' и др.;

б) переход Ð - > $\tilde{\text{N}}$ - функционирует в с. Юнда Балезинского района: $\tilde{\text{N}}in$ 'дым', $\tilde{\text{N}}ana$ 'галка', $\tilde{\text{N}}ure$ 'рубит сруб' и др. Нами также выявлено, что в данной позиции в речи некоторых информантов sporadически встречаются и велярные аффрикаты, например: $\text{Ð}ukna$ 'утро', $\text{Ð}oge$ 'отрубает';

в) Æ - > $\hat{\text{E}}$ - наблюдается в говорах юкаменских бесермян, но, следует заметить, что в д. Жувам информанты могут произнести слова с фрикативным $\hat{\text{A}}$ или мягкой аффрикацией $\hat{\text{E}}$: $\hat{\text{A}}uam$ (Жув.) ~ $\hat{\text{E}}uam$ (Жув. Шам. Паж) 'сгоревший';

г) замещение Æ - > $\hat{\text{A}}$ - зафиксировано в речи балезинских бесермян: $\hat{\text{A}}om\hat{\text{i}}t$ 'сумерки', $\hat{\text{A}}\hat{\text{i}}t$ ~ $\text{Æ}\hat{\text{i}}t$ 'вечер', $\hat{\text{A}}\hat{\text{A}}k$ ~ $\text{Æ}\hat{\text{A}}k$ 'стол'.

1.3. Ауслузные велярные аффрикаты заместились фрикативными, т.е. наблюдается дезаффрикация: $-\text{Ð}$ > $-\tilde{\text{N}}$: $pi\tilde{\text{N}}$ 'блоха', $pu\tilde{\text{N}}$ (Шам. Еж. Жув. Юнд.) ~ $pu\text{Ð}$ (Юнд.) 'жердь', $ga\tilde{\text{N}}-ga\tilde{\text{N}}$ (Паж. Юнд.) ~ $ga\text{Ð}$ (Юнд.) 'прямо, выпятив грудь' и другие. Зафиксирован один пример в д. Н. Пажма $tas'-tas'$ вместо ожидаемого $ta\tilde{\text{N}}-ta\tilde{\text{N}}$ (удм. лит. $ma\hat{\text{U}}-ma\hat{\text{U}}$) 'плотный, плотно'.

1.4. Инлаутная твердая аффриката $-\text{Ð}$ - в любом сочетании субституировалась: а) в юндинском говоре фрикативным $-\tilde{\text{N}}$ -: $ko\tilde{\text{N}}o$ 'сорока', $pi\tilde{\text{N}}kulon$ ~ $pi\text{Ð}kulon$ ~ $pi\text{Ð}turin$ 'душица' и др.; б) в речи юкаменских бесермян палатальным $-\hat{\text{I}}$ -: $pi\hat{\text{I}}ani$ 'впитаться', $kor\hat{\text{I}}og$ 'гвоздь'.

1.5. Инлаутная *Æ* в соседстве с предшествующим согласным в исследуемых говорах заместилась палатальным *-É-*: *í/Éu* 'горячие угли, жар', *kenÉini* 'загореться, начать гореть'.

1.6. Глухая аффриката *Î* в ауслауте, а также в инлауте перед последующим согласным заместилась фрикативным *-s'*, но наряду с этим встречаются и параллельные формы с *-Î*, например: *kes'* ~ *kís'* (Шам. Паж. Юнд.) ~ *keÎ* (Юнд.) 'коза', *kírpis'* 'кирпич', *Ées'* ~ *d'es'* 'добрый, хороший, плотный' и др.

1.7. Замещение *Î* и *É* палатальными согласными: а) аффриката *Î* подменяется мягким взрывным *t'*- при наличии в фонетической структуре слова дистантно последующих звуков *s* и *Ñ*. Т.И. Тепляшина в свое время отметила, что данное явление характерно для всех групп бесермян. В настоящее время в бalezинском говоре в вышеуказанной позиции аффриката *Î* не подменяется, по крайней мере, в наших языковых материалах не зафиксировано: *Îeskít* 'вкусный, вкусно', *Îírs* 'кислый' и др. В бесермянских деревнях Юкаменского района данная черта встречается, но с параллельными вариантами: *t'írs* ~ *Îírs* 'кислый', *t'eskit* ~ *Îeskít* 'вкусный, вкусно'; б) *É-* > *d'-* (при наличии щелевого согласного в ин- или ауслауте слова). В речи юндинских и лекминских бесермян зафиксированы следующие слова: *d'ístíri* ~ *d'ístíri* 'тряпка', *d'ubis* 'приоткрытый, приотворенный', *d'es'kín* 'по-хорошему', *d'us'* ~ *Éus'* 'русский', *d'azíres* 'хриплый, дребезжащий'. В настоящее время в указанной позиции многие слова информанты произносят с *É*: *ÉíÍ* 'лиса', *Éoz* 'кузнечик', *Éaz'eg* 'гусь', *ÉéÍraní* 'качаться', *Éez'í* 'ворота из жердей, калитка'.

Таким образом, выбор велярных фрикативных или палатальных аффрикат имеет ареальный характер. Переход глухой аффрикаты *Ð* в ауслаутной позиции в *Î* [Тепляшина 1970а: 132] в описываемых говорах не наблюдается (см. 1.3). Утверждение, что "мягкая *Î* произносится с наличием очень небольшого взрывного элемента, почти как свистящий *s'* <...>; твердые *Ð* и *Æ* произносятся значительно мягче" [Тепляшина 1970в: 63], нами не подтвердилось: звучание *Î*, *Ð* и *Æ* соответствует нормам удмуртского литературного языка. В юндинском говоре во всех вышеуказанных позициях (кроме 1.3.б) зафиксированы и велярные аффрикаты, по-видимому, это объясняется влиянием северных диалектов удмуртского языка.

Важно отметить, что в текстовых материалах по лекминскому говору наблюдается спорадическое появление *Ð* и *Æ*. Процесс утраты велярных аффрикат в бесермянском наречии не может быть квалифи-

цирован как субстратное явление, потому что данная особенность характерна для многих удмуртских диалектов.

Замещение шипящих свистящими отмечено нами в с. Ежево Юкаменского района [ДЭ 2000] лишь у одного информанта – Бибанаевой Екатерины Степановны (1913, неграмотная): *zivot* 'скот, скотина, домашнее животное', *sajmí* 'наше кладбище', *sídini* 'играть', *ospi* 'бычок', *kĀzi* 'горох', *D'assa* 'чаща, мелкий лес'. Формы слов со свистящими *s* и *z* в речи Е.С. Бибанаевой идут на убыль, т.к. она больше произносит общеудмуртские нормы, например: *Ñan'gi* 'ватрушки, шаньги', *piĀis'kíni* 'стряпать' и др.

Ассимиляция согласных по признаку палатальности имеет место и в сравниваемых говорах. В большинстве случаев твердые согласные основы (*d, t, n, l, z*) сначала смягчаются под влиянием следующего *-j*, затем ассимилируют этот *-j*, например: *níl'los* 'девочки, девушки', *s'ez'z'alĭkíni* 'встрянуться, отрянуться; замахнуться'. Аналогичное уподобление *-j* предшествующим согласным происходит и в некоторых русских заимствованиях: *varen'n'a* < рус. *варенье, pravl'en'n'a* < рус. *правление* и другие. Данное явление наблюдается лишь в произношении представителей старшего поколения.

Явление регрессивной ассимиляции по глухости в юндинском и лекминском говорах бесермянского наречия зафиксировано нами в следующих случаях: а) перед словоизменительным аффиксом *-tek* абессива (каритива) имен существительных: *píd* 'нога' – *píttek* 'без ноги', *kureg* 'курица' – *kurektek* 'без курицы', *ud* 'росток' – *uttek* 'без ростка'; б) в сложных словах, второй компонент которых начинается с глухого согласного, например: *kureg* 'курица' – *kurekpuz* (Юнд.) 'куриное яйцо', *emez'* 'малина' – *emes'pu* 'куст малины'; в) в прилагательных, отглагольных и отыменных образованиях с отрицательным аффиксом *-tem*: *Ñuttem* ~ *Ñíttem* 'несчастливый, несчастный', *bíttem bere* 'после окончания', *vis'tem* 'дурак; глупый, бестолковый'; г) в наречиях с основой на *az'-*: *as'pala* 'вперёд', *as'palan* 'вперед'; д) в словах, заимствованных из русского языка: *propka* < рус. *пробка* 'пробка', *kruĭnka* < рус. *кружка* 'кружка' и др.

Случаи озвончения этимологических глухих конечных согласных основ перед суффиксальными звонкими согласными зафиксированы в небольшом круге слов: а) в прилагательных перед суффиксом сравнительной степени *-ges* происходит озвончение глухих согласных конечного слога: *zĀgges* ~ *zegges* 'большой; старший', *kĀzges* 'суше, более сухой'; б) перед звонким согласным (*z*) суффикса аккузатива

имен с выделительными и притяжательными формами происходит озвончение: *dazze* 'десять', *haladze* 'его халат'.

В речи лекминских и юндинских бесермян встречаются случаи озвончения: а) этимологических глухих смычных согласных конца слова перед губно-зубным *v* ($s > z$, $s' > z'$, $k > g$, $p > b$, $t > d$, $t' > d'$): *daz vit'* 'пятнадцать', *pAz' vu* 'горячая вода', *Ñeb ved' ta* 'колос ведь это' и другие; б) глухих согласных в интервокальном положении, нами зафиксированы лишь следующие слова: *jablogez la-lak val* 'яблоко было много', (Юнд.) *taga* ~ (Шам. Жув. Юнд.) *t'aka* 'баран', *kos'ag ul* 'место под окнами'.

В описываемых говорах (чаще всего в лекминском) в нескольких словах наблюдается аффрикатизация ан- и инлаутного палатального согласного *s'*. Нами зафиксировано 6 слов: 1) в позиции после *-Vr-*: *ĵirĭi* (удм. лит. *ĵырси*) 'волосы', *kirĭi* (удм. лит. *кырси*) 'зять; 2) в анлауте: *Īal'Ēini* (удм. лит. *сялОыны*) 'плюнуть, выплюнуть', *Īarĭi* (удм. лит. *сярчы*) 'репа', *Īumorĭ* ~ *s'umorĭ* (удм. лит. *сюмори*) 'верхнее колено удмуртской прялки', *ĪAltani* (удм. лит. *сьАлтаны*) 'стреножить (коня)'.

В с. Юнда имела место спорадическая замена общеудмуртского *v*-согласным *z*- в анлаутной позиции с образованием параллельных форм на *z*- и *v*-, обнаружены следующие слова: *zim* ~ *ĵirzim* ~ *vijim* 'головной мозг', *zete* ~ *vete* 'помощь (коллектива в работе)'.

В речи пожилых носителей сравниваемых говоров общеудмуртский анлаутный губно-зубной согласный *v*- спорадически заместился губно-губным *b*-, но число примеров в настоящее время сводится к минимуму: (Шам. Еж. Жув. Юнд. Ворц. Л.) *vedra bigi* (удм. лит. *ведра вугы*) 'дужка ведра', (Шам. Жув. Паж) *bijim* (удм. лит. *вийым*) 'мозг', (Жув. М.) *Īun'ari bot* (удм. лит. *чонари вотэс*) 'паутина', (Еж.) *bijemin* (удм. лит. *виемын*) 'убит'. Т.И. Тепляшина [1975: 566–567] считает данное явление уникальным и выдает его за один из факторов, доказывающих (древне)булгарское происхождение бесермян. Спорадическая мена анлаутного *v*- на *b*- происходит еще в кукморском и шошминском говорах, для которых едва ли уместно постулировать булгарский субстрат, например: кукм. *бэрийань* (удм. лит. *верьяны*) 'пробовать на вкус', шошм. *борсаны* (удм. лит. *ворсаны*) 'закрывать, запирать' и др. [Кельмаков 1985: 118].

В результате диссимиляции в рассматриваемых говорах произошли следующие звукопереходы: а) ($n > l$): *tulgon* (удм. лит. *тунгон*) 'вишечный замок', *karlan* (удм. лит. *карнан*) 'кормысло'; б) ($l > n$): *n'ijal*

(удм. лит. *лѣял*) 'пень'. В языковых материалах зафиксированы три слова, в которых согласный *j*- появляется в анлауте перед гласными *e* и *í*: *jegír* (удм. лит. *эгыр*) 'уголь', *jívor* (удм. лит. *ивор*) 'весть, новость', (Ворц.) *j í v a n* 'Иван'.

В нескольких словах отмечается выпадение или вставка некоторых согласных: а) зафиксированы два слова, где начальный *n* подвергся выпадению: (Еж.) *inaĖe* (ср. лит. ~ *nunaz'e*), (Шам.) *iskil'laní* ~ (Ворц.) *iskil'laní* ~ (Паж.) *skil'laní* (ср. лит. ~ *niskAlan*) 'кататься'; б) при стечении в одном слогое двух или более согласных звуков ан- и ауслауте в русских заимствованиях наблюдается выпадение: *s'akoj* 'всякий', *durug* 'вдруг', *dovol'* 'вдоволь', *zajmí* 'взаимы'; *vlas'* 'власть', *oblas'* 'область', *sjez* 'съезд'; в) вставной звук *n* в слове *kurkan* (удм. лит. *курка*) 'индюк'.

Во второй главе описываются морфологические особенности, характерные для рассматриваемых говоров бесермян. Различия касаются большей частью внешней стороны грамматических форм. Отметим характерные черты отдельных частей речи.

Как и в целом бесермянском наречии, различается 21 падеж. В парадигме склонения имен существительных, представленной Т.И. Тепляшиной [1970а: 169–170], перечислено всего 16 падежей. Количество падежей увеличилось за счет возникновения серии приблизительно-местных падежей с элементом *-n'* (*-n'in*, *-n'is'*, *-n'ilen*, *-n'e*, *-n'it'i*, *-n'oz'*). Данные суффиксы указывают на нахождение или действие по отношению к конкретному месту, к конкретному лицу. Вторичные пространственные падежи характерны для одушевленных существительных, обозначающих человека, и отдельных местоимений, указывающих на лица: *braten'e* 'к брату', *soosn'is'* 'от них', *mid-midmin'e* 'друг к другу'.

Аккузатив множественного числа в сравниваемых говорах, как и в северноудмуртских диалектах, имеет показатель *-í* (*korkaostí* 'дома', *bes'ermanjostí* 'бесермян').

Т.И. Тепляшина [1970а: 170–171, 251] в языке бесермян отмечает формант аблатива *-lis'* (*Ñonlis'* 'из-за дыма', *l'empulis'* 'из черёмухи'). В настоящее время в речи юндинских бесермян чаще всего употребляется суффикс *-les'*, в юкаменском и ярском говорах отмечена дистрибуция алломорфа *-lís'*. Формант *-lis'* в исследуемых говорах не зафиксирован. Утрата показателя аблатива *-lis'* объясняется, на наш взгляд, влиянием соседних северноудмуртских говоров.

Элатив образуется с помощью показателя *-(j)is'* (~ *-is'*). Лингвистические материалы, собранные в исследуемых бесермянских селениях, показывают, что одни информанты употребляют в речи *-(j)is'*, а другие на той же самой территории, в одних и тех же словах – формант *-is'* (*baklâis'* ~ *baklais'* 'из огорода', *Ñkolajis'* ~ *Ñkolais'* 'из школы'). В монографии Т. И. Тепляшиной суффикс *-is'* не упоминается. В отличие от некоторых удмуртских диалектов в говорах бесермян после конечного гласного основы и перед падежным гласным отмечается sporadическое появление неэтимологического *-j-*. Данное явление не характерно для удмуртского литературного языка.

Показателем эрессива, как отмечает Т.И. Тепляшина [1970а: 170], является морфема *-os'en*. В юндинском и лекминском говорах бесермян параллельно встречаются форманты *-is'en* и *-is'en* (*pinalis'en* 'с детства', *d'erevn'ais'en* 'от деревни'). В других диалектах удмуртского языка употребляются следующие варианты данного падежного форманта: сев. *-Âs'en* ~ *-îs'en*, сред. *-Âs'en* // южн. *-is'en*. Пролатив в описываемых говорах имеет различные фонетические варианты показателя *-(j)et'i* ~ *-it'i* ~ *-t'i* (*ludet'i* ~ *ludt'i* ~ *ludt'i* 'по полю', *azbarét'i* ~ *azbarít'i* ~ *azbart'i* 'по двору'). В монографическом исследовании Т.И. Тепляшиной [1970а: 172] отмечен лишь формант *-et'i*.

В словообразовании яркой особенностью является суффикс *-n'ig* (*-n'ik*). От отглагольных имен существительных на *-он* образуются существительные со значением места совершения (какого-либо) действия (*aran'n'ig* 'место жатвы', *turnan'n'ik* 'место косьбы'). Данная морфема характерна для юкаменских и ворцинских бесермян; в юндинском говоре употребляется суффикс *-n'i* с таким же значением, и sporadически данный формант появляется в речи лекминских (юкаменских) информантов (*s'is'kon'n'i* 'место, где едят; столовая', *uÂan'n'i* 'место работы'). Иногда употребляется синтаксическая конструкция (отглагольное имя на *-(o)н* + определяемое слово *mesta* 'место'): (Шам.) *turnan mesta mil'am tatín*. 'Место косьбы у нас здесь'.

Компаратив имени прилагательного образуется морфологическим способом, присоединением к положительной степени суффикса *-ges* или *-gem*: *gordges pomidor* 'более красный помидор'. В лекминском говоре бесермян форма компаратива может употребляться и при отсутствии какого-либо сравнения: (Еж.) *piġiges kîrpis' bas'tim no kos'agaz zîrtim*. 'Взяли небольшой кирпич и бросили в окно'.

Характерной особенностью в исследуемых говорах является наличие различных интенсификаторов для выражения высокой степени

качества: *jun* 'очень' (< 'крепкий, сильный'), *tuÅ* 'очень, слишком, чрезмерно', *l'aktem*, *l'akíttem*, *l'ekos* 'очень, слишком', *Îil'ak*, *Îipak* 'очень, совершенно', *Îi-Åírak*, *t'ÎÅak* 'совершенно, исключительно', *dotovo* 'очень, слишком, чрезмерно', *t'om*, *t'ok* 'очень, слишком' (*l'aktem s'ed* 'слишком черный', *Îi-Åírak vil'* 'совершенно новое', *dotovo Îeber* 'очень красивый', *t'ok pejmit* 'очень темный').

В исследуемых говорах бесермян в основном функционируют те же местоимения, что и в других диалектах удмуртского языка. Особенности в употреблении местоимений чаще носят фонетический характер. Так, в аккумулятиве 1 лица множественного числа употребляются две параллельные формы: *mil'emesí* 'нас' и *mil'emíz* 'тж.'. В аблативе 1 лицо ед. числа имеет формы *minís'tím* ~ *mís'tím*: (Юнд.) *minís'tím ulonme no-kin' medaz aĖĖí*. 'Пусть мою жизнь никто не видит'. Датив от личных местоимений 1-го и 2-го лица множественного числа имеет усеченную форму. В юндинском говоре употребляется форма *mil'em* 'нам'. В речи лекминских информантов встречаются параллельные варианты: *mil'em* ~ *mil'im* 'нам', *til'ed* ~ *til'id* 'вам'. Формы *mil'im*, *til'id* в монографии Т.И. Тепляшиной не отмечаются, нет их и в других работах по языку бесермян. Инструменталь от личных местоимений 1-го и 2-го лица множественного числа имеет следующие формы: *mil'emením* ~ *mil'ením* '(с) нами', *til'edeníd* ~ *til'eníd* '(с) вами'. Адвербиаль имеет форму *mon'n'a* (удм. лит. *монья*) 'по-моему'. К усилительно-личным местоимениям относятся: *aĖím* ~ *aĖim* 'я сам(а)', *aĖíd* ~ *aĖid* 'ты сам(а)', *aĖíz* ~ *aĖiz* 'ты он, она сам(а)', *as'mes* ~ *aĖimes* 'мы сами', *as'tes* ~ *aĖides(i)* 'вы сами', *as'ses* ~ *aĖizes(i)* 'они сами'. Варианты *aĖimes*, *aĖides*, *aĖizes* зафиксированы в лекминском говоре. Формы местоимений *aĖim*, *aĖid*, *aĖiz* встречаются в речи бalezинских бесермян. Из взаимно-личных местоимений для юндинских бесермян характерным является местоимение *og-ogmí*, для лекминских – оба варианта (*og-ogmí*, *míd-mídmí*). В монографии "Язык бесермян" [1970а: 191–193] в данную группу не включены местоимения типа *míd-mídmí* 'мы друг друга'. Форма *ojig-ogmí* зафиксирована в с. Ежево Юкаменского района. Указательные местоимения в исследуемых говорах бесермян имеют разные варианты: для юндинского говора характерными формами являются *taĖe* ~ *taĖe* 'такой', *siĖe* (~ *iĖe*) ~ *siĖe* (~ *iĖe*); лекминские бесермяне чаще всего употребляют *taĖe*, *siĖe* (~ *iĖe*), наблюдается спорадическое появление *taĖe* 'такой', *siĖe* (~ *iĖe*). Наблюдается спорадическое появление неопределенных местоимений с приставкой *o-* (*o-maje* 'что-то').

В речи бесермян зафиксированы варианты количественных числительных: *odig* (~ *ojig*) 'один', *kun'* ~ *kōin'* 'три', *n'il'* ~ *n'íl'* ~ *n'ul'* 'четыре'. В юндинском говоре чаще всего употребляются формы *kōin'* 'три', *n'íl'* 'четыре'. Форма числительного *ojig* нами зафиксирована лишь в с. Ежево Юкаменского района. В работе Т.И. Тепляшиной "Язык бесермян" [1970а: 211] выделяется суффикс дробного числительного *-mes*. В настоящее время в современных исследуемых говорах данный аффикс не зафиксирован. Понятие 'половина' выражается словом *Áini* ~ *Æini* ~ *Éini*. Собираательные числительные образуются сочетанием количественного числительного и слова *DoÑen* ~ *ÍoÑen* ~ *t'oÑen* 'вместе, совместно' (*n'il'* *DoÑen* 'четвером', *kik* *ÍoÑen* 'вдвоём'). Бесермяне часто заменяют удмуртские количественные и порядковые числительные русскими числительными (*tri-sta gram* 'триста граммов', *tri goda* 'три года', *pes'at pe-rvom godu* 'в пятьдесят первом году').

В сравниваемых говорах бесермян глаголы настоящего времени (при определенных фонетических условиях) имеют суффикс *-Íiko* (*díÑeÍiko* 'учу', *meÑaÍiko* 'мешаю') и *-Éiko* (*ÑuÉiko* 'играю', *toÉiko* 'знаю'). Данные формы в настоящее время чаще всего встречаются в лекминском говоре. Отрицательная форма глагола неочевидного прошедшего времени образуется двумя способами: синтетическим и аналитическим. В юндинском говоре в настоящее время, как правило, употребляется аналитическая форма с отрицанием *AvÁl* 'не, нет'. Обе формы характерны для жителей лекминского куста. В аналитической форме глагол 1 л. ед. и мн. числа употребляется в двух вариантах: *evíl liktis'kem* (~ *evíl lík'íkem*) '(я) не пришел, оказывается'. Возвратный залог в описываемых говорах образуется при помощи суффиксов *-Íík-*, *-Íik-*, *-Éik-*, *-Ík-*, *-sk-* (*beríkÍíkíni* 'обарачиваться', *jelíkíni* (~ *jeÍíkíni*) 'притронуться', *kiÉíkíni* 'слушать, послушаться', *uÁani kuÍki* 'я работать начала', *díÑeski* 'я учился'). Суффикс многократного вида может редуцироваться *-l'al'l'a-* (*kiÑkal'l'al'am* 'мы боялись', *koral'l'al'l'a-mí* 'мы рубили'). Данная черта сближает сравниваемые говоры с северноудмуртскими диалектами [Тепляшина 1970г: 180–181; Карпова 1997: 150; 2005: 75–76]. Глаголы притворной модальности образуются аналитическим способом: сочетанием причастия на *-em* со вспомогательным глаголом *analskíni* (~ *anaÍíkíni*) 'притворяться, отстраняться' и сочетанием причастия на *-(i)s'* со вспомогательным глаголом *karís'kíni* 'делаться, становиться' (*iz'em ule anaÍíke*, *iz'is' karis'ke* 'притворяется спящим'). В речи лекминских и юндинских бе-

сермян очень часто употребляются заимствованные из русского языка глаголы неопределенной формы, которые используются с помощью удмуртского вспомогательного глагола *karíni* 'делать, сделать' (*naznaít' karílo val* 'назначали', *prikrepit' karemin val* 'прикреплены были', *pozdravit' karíni* 'поздравлять').

Характерной особенностью является употребление форманта причастия 'настоящего времени' от глаголов I спряжения в двух вариантах *-(i)s'* и *-(i)s'* (*minís' ~ mínis'* 'идуший', *sílis' ~ sílis'* 'стоящий').

В настоящее время широко распространенный суффикс деепричастия *-toz'* в описываемых говорах употребляется в форме *-Ĥoz'*. Для сравниваемых говоров характерна свободная альтернатива *-kí* и *-ku*. В монографии Т.И. Тепляшиной встречаются примеры только с суффиксом *-kí* (у Тепляшиной – *-kə*) [1970а: 267, 279].

В сравниваемых говорах бесермян в одном предложении могут использоваться два наречия с одинаковым значением: (Юнд.) *pír – ja-lan* (иногда *ve-s'ak*), (Шам. Еж. Жув.) *pír – ve-s'ak* 'беспрестанно, непрерывно, всегда, постоянно, все время'. Пример-предложение: (Юнд.) *kon'ukín píri uli ja-lan, skal kiski* 'постоянно, все время была коноухом, коров доила'. Характерной особенностью является дистрибуция заимствованных наречий из русского языка (*sovs'em* 'совсем', *vs'orovno* 'всеровно', *naro-Ĥno* 'нарочно').

Послелог с основой на *s'Ar-* (~ *s'er-*) чаще употребляется в юндинском говоре, в лекминском, как правило, употребляется послелог *bÀrs'í* (~ *bers'í*) 'с, за, позади, сзади', особенно со значением 'идти, следовать за кем-либо, с кем-либо'. В лекминском говоре употребляется послелог *vílt'i* в значении 'по' в сочетании с именем в номинативе *ul'Ĥa* 'улица' (*ul'Ĥa vílt'i* 'по улице'). В деревне Пажма Юкаменского района зафиксирована послеложная конструкция *Ĥorazí* вместо ожидаемого *ponnazí* 'за, ради, для, во имя': *soos as Ĥora-zí med ulozí, kak kot'at, sami koz'ajeva* 'пусть сами по себе живут, как хотят, сами хозяева'. Характерной особенностью является употребление пространственных послелогов *vílin*, *vílt'i* в значении 'во время' (*vojna vílin*, *vojna vílt'i* 'во время войны'). В речи бalezинских бесермян употребляется послелог *ponna* 'за, ради, для', в юкаменском говоре встречаются оба варианта *ponna* (~ *pinna*) 'за, ради'. В описываемых говорах бесермян встречаются своеобразные послелогии, заимствованные из других языков: *maktal* 'подобно, как', *n'erge* 'вроде, подобно', *porma* 'наподобие'. В лекминском говоре (д. Пажма) зафиксирован разделительный союз *al'i* 'или' (< рус. диал. *али*, лит. *или*).

Частица *ben* может выступать в сочетании с частицей *vet'* (< рус. *ведь*) в формах *ben vet'* (~ *ben vet'i*) 'да ведь'. Характерной особенностью является дистрибуция отрицательной частицы *evÄn'* (~ *ÄvÄn'*) < *ÄvÄl n'i* 'уже нет'. В лекминском говоре бесермян функционируют специфические частицы *iŃna* 'еще', *kerek* 'то-то, либо, может быть, возможно, видимо, по-видимому'. В настоящее время часто употребляются частицы, заимствованные из русского языка (*moÄet* (~ *moÄot*) 'может быть', *poÄa-luj* (~ *poÄa-loj*) 'пожалуй').

Лингвистические материалы показали, что некоторые расхождения отмечаются как в фонетическом, так и морфологическом оформлении, а также в употреблении некоторых лексем. Языковые факты, описываемые в монографии Т.И. Тепляшиной, не всегда совпадают с нашими данными или/и в настоящее время уже не обнаружены. Следует отметить, что в юндинском говоре прослеживается более быстрое стирание бесермянских особенностей. Определенное влияние на процесс развития языка бесермян в настоящее время оказывают соседние северноудмуртские диалекты и русский язык. Исследуя и сравнивая современное состояние юндинского и лекминского говоров, мы пришли к выводу, что описание отдельных говоров даёт возможность конкретизировать и расширить представление об их особенностях.

В настоящее время бесермяне сливаются с удмуртами, хотя сохраняют самоназвание "бесерман".

Основные положения диссертации отражены в **следующих публикациях:**

1. Люкина, Н.М. Словесное ударение в бесермянских говорах удмуртского языка / Н.М. Люкина // Современные проблемы науки и образования. – М.: Академия Естествознания, 2007. – № 6. – С. 132–135.

2. Люкина, Н.М. Некоторые фонетические особенности жувамского говора бесермян / Н.М. Люкина // Флор Васильев и современность. – Глазов: ГГПИ, 2005. – С. 153–154.

3. Люкина, Н.М. История изучения бесермянского наречия / Н.М. Люкина // *Linguistica Uralica*. – Таллин, 2005. – № 4 (XLI). – С. 279–286.

4. Люкина, Н.М. Язык бесермян – наречие удмуртского языка / Н.М. Люкина // X Международный конгресс финно-угроведов: Тезисы секционных докладов. Ч. II. Лингвистика. Мар. гос. ун-т. – Йошкар-Ола, 2005. – С. 103–104.

5. Люкина, Н.М. Юндинский говор бесермянского наречия удмуртского языка / Н.М. Люкина // Пермистика XI: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Материалы XI Международного симпозиума / Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2006. – С. 120–124.

6. Люкина, Н.М. Удмурт диалектёсты школаын дышетон (Изучение удмуртских диалектов в школе) / Н.М. Люкина // Историко-педагогический опыт и проблемы разработки учебно-методических изданий в Удмуртии на современном этапе: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции. – Ижевск, 2007. – С. 262–264.

Подписано в печать 23.10.08. Напечатано на ризографе. Формат 60x84¹/₁₆.
Усл. печ. л. 1,4. Уч.-изд. л. 1,2. Тираж 100 экз. Заказ № 2213 – 2008.

Глазовский государственный педагогический институт
427621, УР, Глазов, ул. Первомайская, 25